

Золотая
серия
поэзии

Фридрих Ницше

1844—1900

Золотая серия поэзии

Фридрих Ницше

Песни Заратустры

МОСКВА
2017

УДК 1(091)(430)
ББК 87.3(4Гем)-44
Н70

Лучшие стихотворения прошлого и настоящего —
в «Золотой серии поэзии»

Перевод с немецкого

Разработка серии *А. Новикова*

Репродукция на 1-й сторонке обложки:
Tarker / Bridgeman Images / Fotodom

Дизайн переплета *А. Саукова*

Ницше, Фридрих Вильгельм.

Н70

Песни Заратустры : стихотворения : [пер.
с немецкого] / Фридрих Ницше. — Москва : Из-
дательство «Э», 2017. — 256 с. — (Золотая серия
поэзии).

ISBN 978-5-699-76670-3

Другая сторона творчества великого немецкого философа Фридриха Ницше — стихотворения и песни, посвященные Заратустре, поэзия глазами философа, соединение истории, мифа и современности. Философская идея, облеченная в поэтическую форму, создает собственную оригинальную мифологию, наполненную драматическими притчами, ироничными афоризмами и полемикой с другими поэтами.

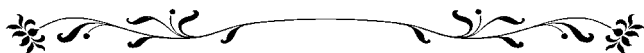
УДК 1(091)(430)
ББК 87.3(4Гем)-44

- © В. Топоров, перевод на русский язык.
Наследники, 2017
- © А. Парин, перевод на русский язык, 2017
- © И. Знаменская, перевод на русский язык, 2017
- © Н. Голь, перевод на русский язык, 2017
- © С. Степанов, перевод на русский язык, 2017
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-76670-3

Дионисийские
дифирамбы

ГЛУПЕЦ! ПИИТА!

В часы, когда убывает свет,
когда роса утешеньем
расстилается по земле,
невидима и ступая неслышно —
ибо обута в мягкое,
как все поспешающие с утешеньем, —
вспоминаешь ли ты тогда, вспоминаешь ли,
раскаленное сердце,
как встарь ты стремилось
к слезам и росам Небесным,
устало и исступленно,
покуда на желтых осенних тропах
злые взоры вечернего солнца
сквозь черные ветви деревьев к тебе
спускались, слепящие и смертоносные?

«Взыскующий истины — ты? —

Насмешники!

Всего лишь пиита!

Зверь, хитрый, хищный, крадущийся,

на ложь обреченный,
на заведомую неизбывную ложь,
добычи алчущий,
личину носящий,
с личиной сроднившийся,
добычею ставший,
не это ли значит —
взыскующий истины?
Глупец! Пиита!»
Пестро глаголящий,
в шутовском обличье пестро глаголящий,
по лукавым виадукам словес восходящий,
по лживым радугам
меж поддельными небесами
крадущийся и шныряющий —
глупец! Пиита!

Взыскующий истины?..

Лишенный покоя, гладкости, круглости
и прохлады
воплощенного образа
колонны Божьей,
не возвышающийся у врат
Храма Божьего, —
нет! ненавидя подобные идолы
добродетели,
в любой пустыне природнее, чем во храме,

увечной добросердечной овечинки,
благостной, беззащитной и безотказной,
исполненной подневольного благоволения...

Следовательно,
орлоподобны, пантерообразны
страсти, владеющие тобою,
твои страсти под тысячею личин,
глупец! Пиита!

Тебе, углядевшему в человеке
божественную овечку,
суждено *разодрать* в человеке Бога,
как разодрал в нем овечку,
и, раздирая, *расхохотаться* —
вот в чем, вот в чем твоя благость,
орла благость, пантеры благость,
глупца благость, пииты благость!..

В часы, когда убывает свет,
когда, завистливо зеленея, серп месяца
взрезает пурпурную высь
и крадется в ночь, —
возненавидев день,
на каждом шагу украдкою
срезая своим серпом
стебли роз, чтоб поникли,
чтобы во тьму поникли, —

так я поник и сам:
из безумия истины,
из ежедневных желаний,
устав, заболев от света,
выпал
вниз, в вечер, в страну теней.
Единою Истиной
опаленный и алчущий, —
вспоминаешь ли ты, вспоминаешь ли ты,
раскаленное сердце,
свою тогдашнюю жажду? —
*не ведать впредь никакой
Истины!
Быть глупцом! быть пиитой!*

ПОСРЕДИ ДЩЕРЕЙ ПУСТЫНИ

1

— Не уходи, — молвил странник, назвавший себя Заратустровой тенью, — останься, не то нас опять одолеет прежняя скорбь, и глухая.

Уже не пенял нам то старый кудесник, уже нас нахваливал, и погляди-ка, у доброго честного попаика слезы сверкнули в глазах, и заскользил он опять всей душою в пучину печали.

Этим царям делать нынче хорошую мину вольно, но, не будь здесь свидетелей, биться готов об заклад, зло своею игрой и над ними бы возобладало:

зло своею игрой тяжких туч, влажной скорби, туманного неба, пропавшего солнца, глухого осеннего ветра,

зло своею игрой нашим плачем и нашей нуждой: оставайся у нас, Заратустра! Здесь хватит сокрытых несчастий, стремящихся к слову, здесь вечера хватит, и туч, и немного пространства!

Ты напитал нас могучею пищей мужчины и сочною речью: ужели позволишь на сладкое жертвенным женственным призракам нас одолеть!

Ты, только ты сделал воздух вокруг тебя сильным и ясным! Где будет дышаться мне так хорошо, как с тобою в пещере?

Многие страны я видел и воздухом всяким дышал и умел различать его: только с тобою попал я на пир обонянья!

Разве что... разве что... Но да прости мне и память об этом! Прости мне ту старую сладкую песнь, что сложил я когда-то меж дочерей пустыни.

Ибо и там мне дышалось светло и свежо на заре азиатской; там был я безмерно далек от печальной, подернутой влажными тучами, старой Европы!

Любы мне были тогда азиатские девы и прочее небесно-синее царство, которое не застилали ни тучи, ни мысли.

Вам не поверить, как статно они восседали, когда не плясали, — глубокие, но без раздумий, — как малые тайны, как скрытые в чреслах загадки, как сладкое блюдо, орешки, —

пёстро и чуждо воистину! но не под тяжестью туч: как загадки, посильные сердцу, и этим-то девам в угоду сложил я мой сладкий псалом!

Так молвил странник, назвавший себя Заратустровой тенью, и прежде чем кто-нибудь что-то на это ответил, арфу схватил он кудесника старого, ноги скрестил и взглянул отрешенно и мудро вокруг, — но ноздрями он втягивал воздух, медленно и испытующе — так, словно пробовал новое блюдо. И наконец он запел, если это рычание — песнь.

2

Не прячь пустыню, ведь она растет...

3

Ах!..

Торжественно!..

Достойная встреча!

По-африкански торжественная!

Достойная льва

или рыкающего нравоучениями бабуина.

— Лишь ничего не достается вам,

дражайшие сударыни,

у ног которых было дозволено

мне, европейцу под сенью пальм,

посиживать. Вот такие дела.

Воистину волшебство!

Сижу я ныне

возле самой пустыни, но

вдали от любой пустыни,
вопустынясь в ничтожестве:
дав себя проглотить
оазису здешнему, —
крошечный, как он призывно
зеваает
благоуханнейшим своим ртом, —
как тут не рухнуть,
не пасть, не прорваться,
не оторваться от вас,
дражайшие сударыни. Вот такие дела.

Слава, слава сему Киту,
о благоденствии помышляющему
и гостя здешнего. Вам
внятен ли мой намек?..
Слава его чреву,
будь оно
благословенным оазисом вроде
вашего, в чем я отнюдь не уверен.
Лишь для этого я и покинул Европу,
вызывающую подозрения
большие, чем любая замужняя баба.
Да поможет ей Бог! Аминь!
Сижу я ныне,
попав в здешний оазис,
подобен плоду пальмы —